

ББК 63.3(2)531-68

А.К. Жабицкий

**Деятельность разведки и контрразведки России
и Японии в Северо-Восточном Китае
в период окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг.**

A.K. Zhabitsky

**Activity of Russian and Japanese Secret
and Security Services in the Northeast China
during the Ending of the Russian-Japanese War of 1904–1905**

Описаны некоторые особенности деятельности российской и японской разведки и контрразведки в период окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. Несмотря на попытки российской разведки противодействовать японскому шпионажу, представители разведорганов Японии активно направляли в российский тыл тайных агентов. Вялое и бессистемное ведение российской разведки и контрразведки способствовало успешной деятельности японских резидентур. Россия недооценила своего потенциального противника. Исходя из печального опыта Русско-японской войны разведка и контрразведка России в последующие годы была в значительной степени организована лучше и эффективней.

Ключевые слова: разведка, Россия, Япония, Русско-японская война, шпионаж.

На протяжении XIX–XX вв. Северо-Восточный Китай вызывал особое внимание иностранных держав, а ведение разведки иностранными государствами в данном регионе было одним из главных способов, направленных на достижение монопольного влияния на территории Китая. Вопрос исследования разведки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. сегодня достаточно важен и актуален, так как позволяет не только более детально изучить причины, ход и результаты русско-японского военного конфликта в Маньчжурии, но и рассмотреть его с новой стороны. В связи с этим на страницах российских научных журналов в последние годы появилось значительное число публикаций, поднимающих данную проблему.

Первые попытки выяснения роли российской и японской разведок в Маньчжурии в 1905 г. относятся к досоветскому периоду. Работы Э.А. Верцинского, П.И. Измestьева, В.Н. Клембовского, Р. Рудеваля, характеризовавшие деятельность разведок России и Японии во время русско-японской войны 1904–1905 гг., раскрывали особенности работы войсковой

In present article the author opens some features of activity of the Russian and Japanese secret and security services during the ending of the Russian-Japanese war of 1904–1905. Despite of attempts made by the Russian secret service to counteract the Japanese espionage, representatives of Japanese reconnaissance body actively directed secret agents to the Russian rear. Languid and unsystematic conducting espionage and counter-espionage work by Russian bodies promoted successful activity of Japanese reconnaissance bodies. Russia underestimated the potential opponent. Taking into account sad experience of the Russian-Japanese war Russian secret and security services in the next years were more effective and better organized.

Key words: secret service, Russia, Japan, Russian-Japanese war, espionage.

разведки, действовавшей на полях сражений в Маньчжурии, не касаясь сущности агентурной разведки и контрразведки обоих государств.

В советский период специальных работ о разведке и контрразведке России и Японии в Маньчжурии в указанный период не издавалось, за исключением монографии К.К. Звонарева, выпущенной для служебного пользования, в которой автор частично раскрыл структуру российской разведки, действующей в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. В то же время деятельность японской разведки в Северо-Восточном Китае в изучаемый период нашла отражение в работах А. Хамадан, А. Вотинова, а также зарубежного автора Р. Роуана.

Заметный конструктивный интерес к проблеме наблюдался в последние годы у таких авторов как И.В. Деревянко, И.М. Афонасенко, И.Н. Кравцева, М. Алескеева, М. Ронге и др. Тем не менее на сегодняшний день вопрос о деятельности российской и японской разведок в Северо-Восточном Китае в исследуемый период изучен неравномерно и в целом недостаточно.

В предложенной статье сделана попытка исследования деятельности российской и японской разведки и контрразведки в Маньчжурии в период окончания войны 1904–1905 гг. на основании архивных сведений, а также научных изданий современного периода.

С началом военных действий Японии против России в 1904 г. сбор разведывательной информации об иностранных государствах был сосредоточен в военно-статистическом отделении управления 2-го генерал-квартирмейстера Генерального штаба и осуществлялся главным образом военным атташе России, пограничными комиссарами и консулами российских императорских консульств. Четко отлаженной структуры и механизма разведки фактически не было. Штабы военных округов разведкой занимались от случая к случаю [1, с. 176].

В марте 1905 г. на должность командующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, был назначен генерал от инфантерии Н.П. Линевиц, сменив на этом посту генерала А.Н. Куропаткина. При вступлении в должность Н.П. Линевиц первым делом принял меры, направленные на укрепление системы российской разведки и контрразведки на театре военных действий. Однако японцам все же удалось парализовать действия российских тайных агентов [2, с. 2]. Это было связано с тем, что в течение нескольких лет, предшествовавших Русско-японской войне 1904–1905 гг., во все крупные города и населенные пункты Маньчжурии, Кореи и прибрежной полосы Тихого океана, имеющие военно-стратегическое значение, были посланы агенты под видом купцов, приказчиков, парикмахеров и т.д. По большей части агентами являлись действующие и отставные унтер-офицеры и солдаты японских вооруженных сил. Такие крупные города, как Цицикар, Харбин, Телин, Ляоян и Мукден японское разведуправление в Токио разделило на участки, где служили тайные агенты [3, с. 229].

В связи с этим российскому военному командованию приходилось принимать меры по организации разведывательной и контрразведывательной деятельности. Так, в 1905 г. военный комиссар провинции Мукден издал приказ, согласно которому офицеры-разведчики обязаны были требовать от тайных агентов документального подтверждения своей работы в тылу противника. При возвращении с разведздания агенты должны были предоставить российским офицерам письма, конверты, газеты, медные бирки, подклады от мундиров японских солдат, японские объявления и др. Такой способ доставки доказательств позволял разведчикам делать вывод о достоверности полученной от агента информации, так как приносимые лазутчиками японские атрибуты служили подтверждением действительного нахождения их на территории противника [4, л. 9].

Вместе с тем начальником этапного управления в Маньчжурии генерал-майором И.Н. Истоминим для

военных комендантов была разработана инструкция по борьбе с японским шпионажем. Согласно инструкции офицеры-разведчики обязаны были заводить записные книжки для фиксации сведений о китайцах, проживающих в подчиненных им районах. Кроме того, всем местным жителям выдавались билеты, в которых указывались номер китайской деревни, фамилия и имя проживающего. Российские разведчики должны были разъяснять местным жителям, что за укрывательство шпионов они будут жестоко наказаны, вплоть до смертной казни. За поимку шпиона китайцам выдавалось вознаграждение в размере 25 руб., за предоставление информации о месте нахождения лазутчика – 10 руб. Наряду с этим китайцы были обязаны немедленно сообщать российской администрации о поимке японских агентов [4, л. 17].

Для предотвращения терактов на КВЖД генерал-майор И.Н. Истомин запрещал начальникам пограничной охраны китайской армии передвигаться вдоль железной дороги на расстоянии менее двух верст от нее, запрещал всем китайским торговцам находиться вдоль железной дороги, а также настаивал, чтобы в обязательном порядке сотрудники железнодорожных станций производили регистрацию всех проезжающих китайцев [4, л. 17об].

Кроме того, разведчики должны были регулярно осуществлять подбор тайной агентуры из числа надежных и преданных российским органам безопасности китайцев, производить наблюдение за маньчжурскими чиновниками, имевшими антироссийские настроения, изучать приемы и способы ведения разведок японцами, а также совместно с русской администрацией выработать общие правила действий, направленные на борьбу со шпионажем. При поимке лица, подозреваемого в шпионаже, производилось тщательное дознание с целью доказательства причастности задержанного к преступной деятельности [4, л. 18]. При помощи инструкции для борьбы с разведкой противника привлекались не только офицеры-разведчики, но и сотрудники российской администрации, а также работники железнодорожных станций. Благодаря инструкции последние имели четкое представление о противодействии японскому шпионажу, более того, указанные должностные лица знали порядок действий при выявлении и пресечении японской разведки в Северо-Восточном Китае.

Однако, несмотря на попытки российской разведки противодействовать японскому шпионажу на завершающем этапе войны, представители разведорганов Страны восходящего солнца активно направляли в российский тыл своих шпионов. Одни агенты засылались группами от 3–5 чел., один из которых снабжался денежными средствами, необходимыми для открытия торговой лавки либо хлебопекарни. Другие должны были работать под видом мелких продавцов табака, продуктов, сувениров, устроившись рабочими

на транспортные учреждения и т.п. Японские агенты хорошо знали местность, на которой осуществляли разведдеятельность.

Японские эмиссары обращали внимание на китайцев, работавших у русских, а при вербовке китайцев в качестве новых шпионов японцы забирали их семьи в заложники, они находились на территории расположения японских войск [4, л. 19]. Именно поэтому российские органы контрразведки при поимке подозреваемого в шпионаже китайца обращали внимание на место нахождения членов его семьи, а также на имевшиеся при нем чертежи, записи или рисунки [4, л. 20].

Японцы отправляли на разведываемую местность большое количество шпионов, не знавших друг друга. Именно такое производство разведок позволяло российскому противнику с легкостью проверять получаемые от китайцев сведения. Агентов снабжали листками бумаги, на которых был изображен план участка. Указанный участок делился на квадраты, в каждом из которых агент зарисовывал погоны солдат и офицеров российских частей. Впоследствии японские разведорганы полученные сведения систематизировали, поэтому прекрасно знали расположение российских войск [4, л. 20].

В июле 1905 г. вновь назначенный начальник этапного отделения в Маньчжурии генерал-майор В. Пиотровский докладывал главнокомандующему генералу Н.П. Линеву о том, что сотрудники пограничной стражи Заамурского округа ОКПС выполнили все требования инструкции и весьма успешно справлялись с задачами по борьбе со шпионажем. Вместе с тем В. Пиотровский сообщал, что коменданты на железнодорожных станциях «безалаберно» относились к своим обязанностям по борьбе со шпионажем, игнорировали вышеупомянутую ранее инструкцию. Особую безответственность в делах по борьбе с разведкой противника проявляла железнодорожная администрация на станции Гуньчжулин [4, л. 25].

Из доклада генерал-майора В. Пиотровского можно сделать вывод, что недобросовестное отношение российских административных органов в Маньчжурии к борьбе с разведкой противника способствовало беспрепятственному проникновению японских лазутчиков на российские военные позиции.

В 1905 г. российским генеральным штабом была разработана инструкция для военных приставов провинции Мукден. На них возлагалась задача ведения разведки через тайных агентов, наблюдения за китайцами, работавшими на железной дороге, а также за китайцами, которые служили в российских госпиталях. Это было связано с тем, что многие несовершеннолетние китайцы, работавшие в госпиталях, сообщали сведения японским агентам о русских военных [5, л. 2].

Инструкция обращала внимание и на осторожность при работе с китайскими переводчиками, так как большинство из них сотрудничало с японской разведкой. Известны случаи, когда японские шпионы проживали у китайских переводчиков, которые за денежное вознаграждение охотно делились с ними информацией [5, л. 3].

Российские военные приставы немедленно сообщали разведсведения окружному помощнику военного комиссара провинции Мукден для принятия решения по конкретным фактам и преступлениям.

Японцы разделяли населенные пункты, подлежащие разведке на участки, в каждом из которых назначался старший – известный агенту местный житель. Ему поручалось вести наблюдение за всеми прибывающими в город китайцами и иностранцами. Горожанам объявлялось, что они не имеют права без заявления давать пристанище приезжим, в противном случае японцы жестоко наказывали провинившихся. Кроме того, каждого чужого китайца, прибывшего в город или деревню, старшина поселения должен был немедленно представить японским разведчикам [3, с. 229].

Российские оперативники, в свою очередь предупреждали местное население о том, что в случае подачи сигналов китайцами японским разведчикам дымом костров, флажками, зеркалами и другими способами они будут немедленно приданы полевому суду и казнены [5, л. 1].

Японцы прибегали к различным шпионским хитростям. Так, для отправки агентов на территорию, занятую русскими, японская разведка подбирала шпионов из числа китайцев, понимающих русский язык и говорящих на нем. Эти агенты могли добывать более точные и полные сведения о противнике. У каждого агента имелся пропуск, который они прятали в бамбуковых палках, хомутах, соломенных шляпах и папиросах. При помощи системы пропусков японцы находили своих агентов [6, л. 22].

У российских контрразведчиков возникали сложности с доказательной базой в отношении шпионов, так как дело о шпионаже требовало длительных оперативных разработок и точных доказательств причастности подозреваемого к преступлению. Так, в 1905 г. китаец Ван Дин Чин длительное время проживал вблизи расположения российских войск в Маньчжурии. Он неоднократно писал письма и отправлял их командованию японской армии. Однако при попытке задержания жандармами указанного китайца он успел сжечь очередное письмо в костре. В ходе допроса Ван Дин Чин сообщил, что регулярно направлялся в расположение японских войск с целью продать тушу. При таких обстоятельствах в период завершения военных действий российская контрразведка не имела права расстреливать подобных шпионов на месте из-за недостаточности доказательств. Подозреваемых

в шпионаже лиц также выселяли за пределы территории расположения российских войск. В целом, деятельность японских шпионов часто оставалась безнаказанной [7, л. 29].

Разведывательное отделение российского генерального штаба обращало внимание на то, чтобы офицеры разведки отправляли своих агентов в расположение только крупных дивизий и бригад японских вооруженных сил. Тем самым, российской разведке было неизвестно о количественном составе и местах дислокации мелких воинских подразделений японской армии, что отрицательно сказывалось на оценке оперативной обстановки [7, л. 68].

В Гунзянку штабом 3-й японской армии была организована разведывательная школа, в которой обучали завербованных китайцев. Для этого отбирались только грамотные и образованные люди. Постоянный состав школы насчитывал порядка 130 чел. Преподавателями в разведшколе были китайцы, ранее проходившие обучение в данной школе и успешно выполнившие задание [8, л. 60]. Контроль за деятельностью преподавателей осуществлял японский офицер-разведчик. Согласно программе обучения агенты изучали русский алфавит и римские цифры для того, чтобы определять род российских войск по поганам. Китайцев учили узнавать название деревень и населенных пунктов, где располагались русские войска.

Из этой школы ежедневно в расположение российских войск направлялись 8 разведчиков-китайцев. Каждому из них определяли маршрут движения и срок возвращения. Агентам выплачивалось денежное довольствие в следующем размере: суточные – 2 руб., жалование – от 60 до 100 руб., а также вознаграждение за предоставление оперативно-значимой информации в размере от 10 до 100 руб.

Из-за безответственности и невнимательности некоторых офицеров и солдат российской армии японские агенты свободно проникали в расположение расквартированных частей и с легкостью выполняли поставленные задачи [8, л. 86].

В то же время подобные разведывательные школы были организованы и российской стороной. В эти школы набирали китайцев из крупных населенных пунктов, которых обучали в течение 3–5 дней. Во время обучения им платили следующее денежное вознаграждение: грамотным – 1 руб. в сутки, малограмотным – 50 коп. Обучение осуществлялось через переводчиков. Наиболее подготовленные и способные агенты-китайцы направлялись для выполнения важных и сложных разведзаданий [7, л. 79]. Очевидно, что японские разведшколы по сравнению с российскими имели значительные преимущества. Японцы выплачивали своим агентам большие денежные суммы, чем русские.

Однако несмотря на плачевное состояние российских войск во время русско-японской войны,

российской разведке удавалось обезвреживать японские разведуправления и школы. Так, в феврале 1905 г. российскими разведчиками в Мукдене были обезврежены 17 агентов-китайцев, в ходе обыска у них были обнаружены топографические карты и подготовленные к отправке секретные донесения. В ходе их допроса было выяснено, что все агенты прошли курсы в разведшколе города Цзинчжоу-фу. Пойманные шпионы были приговорены полевым судом к смертной казни [9, с. 3].

Тем не менее разведка Страны восходящего солнца всегда была прекрасно осведомлена о своем противнике, в то время как русские располагали лишь скудными и неточными сведениями.

На завершающем этапе Русско-японской войны в российской армии сформировалась более оптимальная структура разведки. Так, при каждой армии в Маньчжурии было создано разведотделение, кроме того, подобное отделение было и при Главнокомандующем всеми войсками генерале Н.П. Линевице. Начальники разведывательных отделений направляли секретные донесения в квартирмейстерство при командующем всеми российскими сухопутными и морскими силами. В донесениях излагалась информация, полученная в большинстве своем агентурным путем. В квартирмейстерстве оперативные сведения анализировали, систематизировали и проверяли [7, л. 45].

Следует заметить, что в конце войны российская разведка производила более качественный анализ получаемой информации. Это позволяло военному руководству не реагировать на ложные сведения и принимать военному руководству более точные и правильные решения. Кроме того, благодаря заслуге генерала Н.П. Линевица российская разведка стала действовать более активно и эффективно, что положительно сказывалось при оценке оперативной обстановки российским командованием.

Однако в целом на протяжении всего периода войны 1904–1905 гг. российская разведка и контрразведка велись слабо и бессистемно, что обеспечивало успешную деятельность японских резидентур. Поэтому одной из причин поражения России являлась ее плохая организация. Печальный опыт войны 1904–1905 гг. был принят к сведению российским военным командованием, так как в последующие годы разведка и контрразведка Российской империи в Северо-Восточном Китае была в значительной степени организована лучше и эффективней.

В то же время необходимо отметить, что вопрос ведения разведки Россией и Японией во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. требует внимательного подхода, всестороннего научного исследования, необходимого для учета исторического опыта русско-японских отношений.

Библиографический список

1. Буяков А.М. Комплектование кадрового состава разведки Маньчжурской армии в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. – Владивосток, 2000. – Т. 5.
2. Русская разведывательная служба // Никольск-Уссурийский листок. – 1905. – №54.
3. М.Г. Японское шпионство // Разведчик. – 1908. – №910.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 14378. – Оп. 2. – Ед. хр. 14.
5. РГВИА. – Ф. 14378. – Оп. 10. – Ед. хр. 1.
6. РГВИА. – Ф. 14378. – Оп. 2. – Ед. хр. 13.
7. РГВИА. – Ф. 14378. – Оп. 1. – Ед. хр. 123.
8. РГВИА. – Ф. 14378. – Оп. 2. – Ед. хр. 16.
9. Под Мукденом // Русское слово. – 1905. – №146.